

Яков Гринберг

Гринберг Яков Симхович (в паспорте у меня записано Симхонович, но это неправильно. Поэтому мое отчество в разговоре часто интерпретируют как Семенович, к чему я уже давно привык), доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Новосибирского государственного технического университета.

Родился 30 ноября 1945 г.

Учился в группе 51 (кажется, точно не помню)

Специализировался по теоретической физике.

В 1970-1973 гг. обучался в аспирантуре НГУ, откуда был с позором отчислен за невыполнение плана (но это отдельная история).

1973-1974 работал в должности инженера в НЭВИ (Новосибирский электровакуумный институт) Сейчас НПО Восток.

1974-1978 гг. работал в должности зав. учебными лабораториями на кафедре общей физики Новосибирского института инженеров водного транспорта (НИИВТ). Сейчас Академия водного транспорта.

В 1978 г. перешел на работу в НЭТИ (сейчас НГТУ) в только что созданную лабораторию сверхпроводниковой электроники. В этой лаборатории проработал до 1995 года, пройдя все карьерные ступени от мнс до снс и защитив там кандидатскую диссертацию.

В 1995 г. перешел на кафедру Прикладной и теоретической физики НГТУ, где работал сначала в должности доцента, а после защиты докторской в 2004 г. - в должности профессора.

С февраля 2014 г. работаю в НГТУ в должности главного научного сотрудника, продолжая (на полставки) заниматься преподавательской деятельностью.

Основная моя деятельность всегда и сейчас связана с наукой. В настоящее время занимаюсь квантовыми свойствами твердотельных мезоскопических наноструктур.

Семейное положение: женат (однократно)

Жена (Татьяна) (химик по специальности, тоже окончила НГТУ) после выхода на пенсию вдруг стала рисовать. Рисует она каждый день по одной картине а то и по две, так что вся наша квартира завешена и завалена ее картинами - негде пройти. Широко известна в довольно узких художественных кругах у нас и за рубежом. Около десятка персональных выставок в Новосибирске, а также участие в выставках за границей (Киев, Лондон, Париж).

Сын (Аркадий), бизнесмен средней руки (не пошел по стопам родителей). У него две дочери - мои внуки.

Когда я собирался на наш 50-летний юбилей, мой сын, которому сейчас 43 года, спросил меня: Папа, а ты что, еще их всех помнишь? Хочу пожелать, чтобы мы помнили всегда всех и тех, кто ушел, и тех, кто еще присутствует в этом мире. В любом уголке планеты, куда бы вас ни забросила судьба, не забывайте тех, с которыми вы провели пять лучших лет своей жизни.

О тех, кто с нами был тогда, кто помнит наши имена...

Я родился в 1945 г. в Казахстане в поселке имени Кирова Талды – Курганской области, куда моих родителей эвакуировали, когда началась война. При другом раскладе я мог бы родиться во Франции. До войны мои родители жили в Бессарабии, которая тогда принадлежала Румынии, и в таком качестве являлись гражданами румынского королевства. До войны мой отец окончил университет в городе Жамблу (Бельгия). Этот университет, основанный примерно 150 лет назад, является сейчас, по существу, отделением Льежского университета. У отца было два диплома этого университета, один – инженера-химика, другой – агронома. После окончания университета отец нашел работу во Франции в какой-то агрофирме в пригороде Парижа – Нанси. Летом 1940 года он с мамой приехал в отпуск к родителям в Бессарабию. Через месяц Красная Армия заняла Бессарабию, присоединив ее к СССР, и родители уже не смогли выехать обратно во Францию.

Через год после окончания войны родители переехали на Кубань в райцентр Гулькевичи, где мой отец работал агрономом в одном из научно-исследовательских институтов системы Сельскохозяйственной академии. После смерти отца в 1956 году наша семья переехала в Краснодар. Из этого города я и приехал летом 1964 года в Новосибирск, чтобы поступить в НГУ на физический факультет. Собственно, это решение поехать в Новосибирск не было для меня легким. После окончания семи классов мои родственники настояли, чтобы я поступил в техникум и получил специальность, которая позволила бы мне зарабатывать на жизнь. Я выбрал Краснодарский станкостроительный техникум. Не знаю, как сейчас, а в то время в техникумах, как правило, давали, кроме всего прочего, и хорошее базовое образование по естественным дисциплинам. Преподавали эти предметы в основном преподаватели из Краснодарского политехнического института.

На первых курсах я сильно увлекся физикой, в основном, благодаря блестящему преподавателю Карпову. Мои увлечения разделяли два моих приятеля Андрей Гавриленко, и Виктор Смирный, которого чуть позже с моей легкой руки стали называть Виком, по имени одного из персонажей произведения английского писателя Ивлиана Во. В то время информация о Новосибирском Академгородке и самом молодом университете страны гремела на всю страну. Дополнительную информацию о НГУ я получил также от моего дальнего родственника Залика Цавалера (сейчас живет в США), который поступил в НГУ за три года до моего приезда туда. В итоге я, Андрей и Виктор договорились после окончания техникума поехать поступать в Новосибирский университет.

До окончания техникума было еще три года. Вик сказал, что ему нет смысла учиться в техникуме три года, бросил техникум и уехал к себе в деревню (кажется, его родители жили в станице Петропавловская Ставропольского края) заниматься самообразованием. В то время он увлекался, насколько я помню, кроме физики, еще и философией. Мы договорились, что через три года, когда мы окончим техникум, Вик приедет в Краснодар, и мы все втроем поедem в Новосибирск. Но это было легче сказать, чем сделать. Дело в том, что у нас не было школьного аттестата, так как мы поступили в техникум после седьмого класса. Диплом об окончании техникума, в принципе, давал право на поступление в Вуз, но только после трех лет работы по распределению. Но когда мы договаривались об этом, о правилах поступления особенно не задумывались. В нашем тогдашнем возрасте думать о том, что будет через три года, не хотелось. А через три года, когда я уже и забыл об этом уговоре, в конце весны из своей деревни приехал Вик.

До окончания техникума были еще летние каникулы, потом полгода преддипломной практики и защита диплома. Честно говоря, я уже не очень хотел ехать в Новосибирск, но перед Виком было неудобно. Ведь если бы мы тогда не договорились, то, возможно,

Вик и не бросил бы техникум. В итоге мы решили ехать. В то время была возможность получить аттестат зрелости, сдав все экзамены экстерном. Этих экзаменов было около 15-ти, кажется. Мы два месяца занимались как проклятые, и в итоге все требуемые экзамены сдали летом 1964 года, после чего отправились с Виком в Новосибирск. В отличие от Вика, я ничего не терял: если бы не поступил в НГУ, то вернулся бы в Краснодар и закончил техникум. Сейчас не помню, сдавал ли эти экзамены Андрей Гавриленко, но в итоге он с нами не поехал. Окончил техникум, потом институт в Саратове; сейчас живет в Краснодаре. Мы с ним остались близкими друзьями, регулярно переписываемся и встречаемся, когда я приезжаю в Краснодар.

В Новосибирск мы ехали трое суток в плацкартном вагоне. В пути у Вика украли туфли, и в Новосибирск он приехал в одних носках. Благо, в тот год лето было жаркое и можно было спокойно ходить босиком. В день приезда мы с Виком на автобусе приехали в университет, но было уже поздно, после пяти вечера, и поэтому мы не смогли в этот день сразу поселиться в общежитие. Пошли в гостиницу «Золотая долина». Тогда эта гостиница располагалась около Дома Ученых, не там, где сейчас. Мы совершенно не ориентировались в Академгородке, и, спрашивая дорогу у таких же приезжих, пошли в эту гостиницу по маршруту НГУ – проспект Коптюга – ИЯФ – проспект Лаврентьева – Морской проспект – Дом ученых. Правда уже на следующий день мы пришли в НГУ из этой гостиницы кратчайшим путем.

Кроме сочинения было три профилирующих экзамена: математика устно и письменно и физика письменно. Две математики я сдал на 4 и 5, а по физике получил 3, что, в общем, соответствовало моему тогдашнему уровню подготовки. Сейчас не помню, какой тогда был конкурс, сколько человек на место, какой был проходной балл, но всех троечников по физике вызывали на собеседование. Это собеседование я помню очень хорошо. Со мной беседовал Роальд Сагдеев. Тогда он, кажется, еще не был доктором. Он спросил, какие силы действуют на спутник, вращающийся вокруг Земли. Я ответил правильно. Потом он немного задумался и спросил: можете ли рассказать о каком-либо физическом явлении, которое вы знаете. Я рассказал ему об эффекте Мессбауэра, о котором незадолго до этого прочитал популярную книжку. Он сказал, ну хорошо, идите. Через два дня списки прошедших собеседование вывесили и, к счастью, там оказалась и моя фамилия. Как сейчас помню этот момент. В столовой за наш столик сел Миша Дахис и сказал, что списки уже висят и моя фамилия там тоже есть. Вот так я стал студентом НГУ.

К сожалению, мой друг Вик, с которым я приехал из Краснодара, в то лето в НГУ не поступил. Я не помню, или не прошел по конкурсу, или что-то завалил. Он поступил в пединститут, который тогда располагался в центре города, напротив нынешнего ЦУМа. Там он проучился год и перевелся с потерей курса в НГУ, который и закончил на год позже меня в 1970 году. С 1985 года он проживает в США.

Из Краснодара на нашем курсе учился еще один парень, Леня Чувакин, с которым я познакомился в колхозе, куда нас, первокурсников, по заведенным тогда правилам, отправили в сентябре копать картошку. Мы стали с ним хорошими приятелями. У Лени Чувакина был своеобразный стиль мышления, в основе которого лежало его убеждение, что его всегда хотят обмануть. Поэтому он выражался довольно витиевато и уклончиво, и никогда нельзя было понять, что он имеет в виду. По этой причине, карточные игры с его участием (как правило, в преферанс) всегда кончались скандалом, если не мордобоем. Через некоторое время после окончания университета Леня вернулся в Краснодар, где проживает и сейчас. Занимается каким-то бизнесом. Уже много лет спустя, я, в очередной раз, приехав в Краснодар, попытался найти Леню. У меня были какие-то его старые адреса, но там давно проживали какие-то его родственники, и мне отвечали настолько уклончиво, что я уже стал думать, жив ли Чувакин или уже нет. Наконец мне удалось выйти на его дочь от первого брака, и она после долгого выяснения, кто я и откуда, дала его домашний телефон. Когда он снял трубку, я на всякий случай спросил: «это квартира Чувакина»? Нет, это квартира не Чувакина – ответил он. Но я узнал его

голос и сказал, что, мол, хватит придуливаться. Он тоже узнал меня и сказал, что ответил мне правильно, так как квартира записана на его жену, которая носит другую фамилию. Оказалось, что в ту пору его бизнес не заладился, и за ним постоянно охотились кредиторы. Так что ему приходилось все время от них скрываться.

Еще один колоритный персонаж, которого я всегда помню, – это Тимур Андгуладзе. Когда мы учились на первом курсе, то ректором был известный математик, кажется даже академик Векуа, грузин по национальности. Естественно, там образовалась небольшая грузинская диаспора. Несколько грузин были преподавателями. Один из них (к сожалению, не помню его фамилию) преподавал нам линейную алгебру. Было также некоторое количество студентов, приехавших туда поступать из Грузии. Тимур был один из них. Я довольно близко с ним сошелся, поскольку мы на первом курсе жили в одной комнате в общежитии на Терешковой. Родом он был из какой-то грузинской деревушки, и по его словам, когда он приехал в Новосибирск за пять лет до этого, то совершенно не знал русского языка. Однако, к моменту нашего знакомства он очень хорошо говорил по-русски, причем без характерного грузинского акцента. На мой вопрос, как он так хорошо научился русскому языку, Тимур сказал, что переписал от руки Войну и мир Толстого и показал мне какую-то толстую исписанную тетрадь. Тимур был очень веселым парнем, его все любили.

К сожалению, Тимур учился очень посредственно, и его отчислили со второго курса, несмотря на всю помощь грузинского комьюнити. Правда к тому времени Векуа уже со своего поста ушел и уехал из Новосибирска. После отчисления Тимур сразу куда-то исчез, видимо уехал к себе на родину и больше никто из нас его никогда не видел. Много лет спустя, кажется через тридцать лет после окончания университета, в каком-то Московском аэропорту я услышал по справке “Пассажир Андгуладзе, подойдите к справочному бюро, вас ожидают”. Я кинулся к стойке справок, простоял там около получаса, но никого похожего на Тимура не увидел. Я бы узнал его и через тридцать лет.

Мне кажется, что в то время студенты были более активны в плане защиты своих прав. На первом курсе нам мат-анализ читала какая-то женщина (я не помню ее фамилии). Читала с нашей точки зрения плохо. Образовалась инициативная группа, обратились в деканат с жалобой на этого лектора, и ее вмиг убрали. Поставили Валицкого. Он оказался в самом деле блестящим лектором. Хотя он преподавал у нас всего два или три семестра, мы его всегда приглашали на наши раз в 5 лет сборища, такой след он оставил в нашей памяти.

Похожий случай произошел, кажется, во втором семестре, когда нам стал читать лекции Андрей Михайлович Будкер. Я как сейчас помню его первую лекцию. Он сразу начал с записи уравнений Максвелла в ковариантной форме. Мы совершенно ничего не понимали. Опять же образовалась инициативная группа и пошла в деканат. В то время деканом был Сагдеев. Он сказал, вы же понимаете, я не могу сказать академику, что он не умеет читать лекции. Поэтому у вас нет иного выбора, как осваивать этот предмет. Впоследствии мы привыкли к манере изложения Будкера. На самом деле у него был достаточно нетрадиционный курс, но это мы поняли только гораздо позже. На старших курсах у нас появилась идея издать его лекции по тем конспектам, которые мы вели. Сам Андрей Михайлович никаких записей не делал и лекции читал без единой бумажки. В эту группу входил также и я, еще, помню, Саша Алтынцев и еще несколько человек, которых я не помню. Но, к сожалению, дальше разговоров дело не пошло, и эта идея так и осталась нереализованной.

Как я уже сказал, в то время студенты были более активны, как в плане защиты своих прав, так и в смысле интереса к политическим процессам. Среди нас распространялась самиздатовская литература, запрещенная тогдашними властями. Обычно это были плохо снятые фотографии текста и давались они только на один день или ночь. Тогда впервые я прочитал «Доктора Живаго» и «Один день...» Солженицына. Процесс распространения среди нас самиздата особо никто не пресекал. Любой, кто хотел прочитать что-нибудь

из этого, мог достать эти материалы. Я, например, никогда не был диссидентом в тогдашнем понимании этого слова (да и сейчас им не являюсь, в том смысле, чтобы активно что-то делать в этом направлении), но мне часто в руки попадал этот самиздат. Конечно, это был большой дефицит, и долго хранить у себя его было нельзя, так как желающих почитать было много. Самый дорогой подарок, который я храню до сих пор, мне на день рождения сделал мой друг Валера Федоров (к сожалению, его уже давно нет с нами). На портативной печатной машинке он перепечатал полностью «Один день...» Солженицына и подарил его мне.

Конечно, многие из нас интересовались процессами против писателей-диссидентов, Синявского с Даниэлем, Гинзбурга с Галансковым. Несколько студентов (не с нашего курса) ночью повесили на кинотеатре Москва растяжку с текстом: «Свободу Гинзбургу и Галанскову». Их, конечно, быстро вычислили, кажется, по следу краски, которым они рисовали плакат и который вел прямо в общежитие. А за пару лет до этого, когда судили Даниэля и Синявского, около 10-ти местных интеллигентов, в основном ученых и преподавателей НГУ, написали письмо генеральному прокурору с протестом против закрытого характера процесса. Письмо это раньше Генерального прокурора поступило в «Голос Америки» откуда и было распространено по всему миру. Это и вменили в вину подписантам, что независимо от их желания, они сыграли на руку врага. Меры к ним (к тем, кто покался) применили не сильно жесткие. Члены партии получили выговор с занесением.

Покаялись все кроме одного. Им был преподаватель НГУ по алгебре, известный ученый Абрам Ильич Фет. За что и был уволен с должности преподавателя. Я хорошо помню эту историю, поскольку интерес среди студентов к этим диссидентским процессам был настолько велик, что нас со всех курсов собрали в БФА, где перед нами выступали известные личности, с объяснением ситуации. Я не знаю, кто был инициатором этого собрания. Возможно, что и администрация университета. Я не помню, кто там выступал перед нами, кроме одного – академика А.Д. Александрова. Я не помню, что он говорил, кроме его критики «Доктора Живаго», которого 80% из нас тогда его не читали. Насколько я помню, АД говорил о том, что в то время, о котором пишет Пастернак, интеллигенция так, как Живаго, себя не вела. Много лет спустя, когда я прочитал полное издание Доктора, я так и не понял, что имел в виду АД.

А.Д. Александров имел вид классического русского интеллигента, каким их принято изображать в кино. Одно время он был ректором Ленинградского университета, но потом не поладил с тогдашним хозяином города Романовым и был сослан в Новосибирск. Он очень любил встречаться со студентами и часто выступал перед нами по разным поводам. Кроме того, что АД был всемирно известным ученым-геометром, он имел еще степень доктора философских наук. Я узнал об этом случайно. Как-то раз я стоял в вестибюле перед объявлением о спецкурсе «Геометрические основания теории относительности», который должен был читать Александров. Мимо проходил наш преподаватель Хриплович. Он остановился рядом со мной, посмотрел на объявление и сказал – я вам не советую ходить на этот спецкурс. На мой вопрос, почему, он ответил, что в свое время, когда еще при Сталине начали травить с идеологических позиций квантовую механику и теорию относительности, то АД принимал в этом процессе активное участие, печатая свои статьи в философских журналах. Много позже мне удалось познакомиться с некоторыми его работами на эту тему. К сожалению, Хриплович оказался прав. Но вполне возможно, что АД искренне верил в то, что тогда писал. И я ни в коем случае ему не судья. Времена тогда были довольно жестокие, и никто не знает, как в такой ситуации повел бы каждый из нас.

Еще одно событие тех лет, которое осталось в моей памяти, связано с так называемым «еврейским вопросом». В то время в СССР политика государственного антисемитизма препятствовала проникновению евреев в такие области как наука и образование. Особенно уродливые формы эта политика приняла в западных областях Украины, где

тогда жило, по-моему, больше миллиона евреев. Еврейская молодежь не имела никаких шансов поступить в тамошние университеты после окончания школы. Поэтому многие молодые евреи хлынули в новый Новосибирский Университет, где тогда такой проблемы не было вообще. Единственным критерием при поступлении были знания. Я думаю, в целом среди студентов НГУ в то время украинских евреев было процентов 20. Многие из них после окончания НГУ впоследствии уехали за границу, в первую волну еще не разрешенной эмиграции, когда надо было отказываться от советского гражданства, возвращать деньги за обучение и т. д.

Это случилось, кажется, на втором курсе. Как-то вечером к нам в комнату в общежитие забежал какой-то парень и сказал, что на входе стоит несколько парней с мат-фака, немного в подпитии, и каждого, кто заходит, спрашивают – ты жид? Если жид, бьют по морде. Там пострадало несколько человек, всего пять или шесть. Но информация мгновенно распространилась по всем общежитиям, и уже на следующее утро в БФА возник стихийный митинг. Я не могу сказать, что организаторами этого митинга были только еврейские студенты, в основном, это были русские. Администрация не на шутку перепугалась. К нам направили всю имеющуюся тяжелую артиллерию, в числе которых были Александров и Будкер. Я точно не помню, что они говорили, но резолюция собрания, которое длилось несколько часов, была единодушной: «отчислить всех зачинщиков этой гнусной истории». Я уже не помню, отчислили их или нет, да это и не важно. Выступали, в основном, русские парни. Несколько русских парней говорили мне тогда, что у них бабушка или дедушка – евреи.

Еще один период моей жизни в студенческие года связан с Картинной галереей Дома ученых. В этой галерее я подрабатывал: моей задачей было монтировать картины перед выставкой и следить за порядком на самой выставке. В то время директором галереи был Михаил Янович Макаренко. Этот человек был, вне всякого сомнения, незаурядной личностью. Говорили, что у него не было никакого специального образования, но, по-моему, он неплохо разбирался в искусстве. Таких людей сейчас называют галеристами. Возможно, среди коллекционеров у него были обширные связи, что позволяло ему брать для своих выставок картины из частных коллекций. Его выставки всегда были с некоторым оттенком скандала, так как касались художников, которые идеологически были несовместимы с существующей властью. Первая выставка, в которой я принял участие, называлась «Офорты Гойи». Эта выставка имела большой успех, и в целом для МЯ прошла безболезненно, однако уже следующая выставка, посвященная творчеству Филонова прошла не без трудностей. Филонов сейчас признанный классик XX века, умер от голода в 1941 г. в блокадном Ленинграде. До этого он не выставлялся с 1933 года. Выставка его работ в Академгородке в 1968 году была с тех пор его первой выставкой. Я не знаю, почему Филонов был в немилости у советской власти. Мне его работы нравятся даже больше, чем работы Марка Шагала.

Если Филонов был у коммунистов в немилости, то уже тогда всемирно известный художник Марк Шагал, живший во Франции, был просто под запретом. Я и сейчас не очень понимаю, почему Шагал был под запретом. Уехал он из России давно, еще в начале 20-х годов, ни в каких политических кампаниях участия не принимал. В общем, МЯ решил организовать выставку Шагала, уже собрал картины, и, наверное, эта выставка состоялась бы и имела бы оглушительный успех, так как была бы его первой выставкой с 20-х годов. Но МЯ, будучи по характеру немного авантюристом, решил пригласить на эту выставку самого Шагала. Минувя все официальные инстанции, он направил через знакомых персональное приглашение Шагалу. Шагал отправился в советское посольство получать визу, и тут разразился международный скандал, так как такие приглашения по тем временам нужно было обязательно согласовывать с Министерством культуры. Визу Шагалу естественно не дали, а самого МЯ с поста директора сняли. Так эта выставка Шагала и не состоялась.

Еще одна выставка, которую не успел организовать МЯ, называлась «Революционный плакат». МЯ собрал около сотни революционных лозунгов времен октября 17-го года, отпечатал их на больших (метр на метр) плакатах. Перед своим отъездом в Москву он попросил меня куда-нибудь их пристроить, чтобы их не растащили. Я свез их в камеру хранения нашего общежития. Что стало с этими плакатами, не знаю. Через некоторое время в Москве МЯ арестовали. Меня вызывали на допрос в известные органы, как свидетеля по делу, и я им про эти плакаты сказал, так как в них на мой взгляд не было ничего крамольного. Видимо, их тоже изъяли и приобщили к делу.

Я не знаю, что конкретно инкриминировали МЯ, видимо, спекуляцию картинами и какую-то антисоветчину, поскольку он отбывал срок (кажется, ему дали 7 лет) в мордовских лагерях, куда обычно отправляли диссидентов. Последний раз я видел МЯ после его выхода на свободу, когда он ненадолго приехал в Новосибирск. Был он в совершенно нормальной форме и добром здравии. Многие, с кем он встречался в Новосибирске, тогда говорили мне, что по его внешнему виду никак нельзя подумать, что он из заключения только что. Потом МЯ уехал в Америку. Несколько лет назад его жизнь там трагически оборвалась: его убил какой-то чернокожий в случайной дорожной ссоре.

Преподаватели, которые меня учили.....

На первом курсе это Коткин и Сербо, которые вели у нас курс классической механики. На втором курсе это конечно Ю. Б. Румер, читавший у нас курс статистической физики. Кстати, первую свою двойку на экзамене мне как раз поставил Румер. Все знают, что это был совершенно уникальный человек, в силу своего Геттингенского прошлого лично знакомый со многими выдающимися физиками двадцатого столетия, в том числе и с Эйнштейном. Часто выступал перед студентами с рассказами о своей жизни. Я не буду здесь повторяться, так как это все опубликовано, в том числе и в недавно вышедшей книге, где собраны практически все его воспоминания. Я только упомяну два эпизода, связанных с рассказами Ю. Б., которые я запомнил. Однажды, рассказывая о своей тюремной жизни, он сказал, что в отличие от него Ландау посадили совершенно справедливо, за дело. Вдаваться в подробности он не стал. Много позже, уже в годы перестройки я узнал, за что на самом деле арестовали Ландау. Помню еще как отмечали 80-летие Ю. Б. в битком забитом актовом зале ИЯФа. Юрий Борисович рассказывал, что на свой юбилей он пригласил нескольких своих друзей из-за рубежа, но никому из них советские власти не дали визу. Особенно он сожалел, что по этой причине не смог приехать его близкий друг Виктор Вайскопф, известный физик, живший в США. Сам Румер, как и многие физики его уровня в то время, был пожизненно не выездным по причине секретности.

Не могу не упомянуть также Моисея Соломоновича Рывкина, который на первом курсе был деканом факультета (или зам. декана, точно сейчас не помню). М. С. прошел всю войну, имел много боевых наград. Возможно, именно ему я обязан тем, что меня не отчислили с первого курса. Дело в том, что краснодарский техникум, из которого я сбежал в НГУ на пятом году обучения, направил ректору НГУ письмо с требованием отчислить меня, чтобы я вернулся в Краснодар и закончил этот техникум. Много позже, через несколько лет я узнал об этом письме и о той роли, которую сыграл М. С. защитивший меня от отчисления. М. С. был моим руководителем в аспирантуре. Проблема, которую он дал мне разрабатывать, касалась рассеяния электронов на одномерной цепочке дельта потенциалов. Эту задачу, в свою очередь, поставил перед ним еще академик Фок, учеником которого он был. Эта задача показалась мне совершенно неинтересной, «оторванной от жизни». В то время я очень увлекался ядерной физикой, и никакие другие задачи меня не интересовали. Много позже, когда научились делать тонкие пленки, эта задача стала по-настоящему актуальной. Это еще один пример о роли фундаментальных задач, якобы «оторванных» от жизни.

Еще один человек, сыгравший важную роль в моей судьбе, в том, что я стал теоретиком, это Владимир Григорьевич Зелевинский. Уже со второго курса я посещал его

лекции, и несколько спецкурсов. Он был блестящим лектором. Его спецкурсы отличались очень подробным изложением, и по ним можно было реально учиться теоретическим методам решения задач. Он был моим дипломным руководителем. В сотрудничестве с ним мы написали одну работу по вращению жидкого гелия, которая была опубликована в ияфовском препринте. В начале 70-х годов В. Г. уехал в США, где и работает до сих пор в Мичиганском университете. Все эти годы мы не общались. И вот несколько лет назад В. Г. разыскал меня и предложил реанимировать нашу старую работу, о которой я прочно забыл. Он выполнил большую часть работы по подготовке материала к публикации (перевод на английский язык, новое введение с учетом развития науки за последние 40 лет, прошедшие с момента выхода препринта и т. д.). В результате, мы опубликовали эту работу в одном из международных журналов. Затем мы написали еще одну с ним работу. Так наше сотрудничество возобновилось спустя почти 40 лет. В итоге, по его приглашению я совсем недавно в начале мая (2014 г.) побывал на конференции в Мичиганском университете по проблемам ядерной и мезоскопической физики, которую раз в 3 года организует Зелевинский. Вот так почти через 40 лет круг замкнулся.....

2014